

Н. Н. Бартош

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ *IL Y A* В СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируется наиболее употребительное средство выражения категории бытийности во французском языке – безличная структура *il y a* ‘есть, имеется’. В силу ее этимологических, морфологических, конструктивных и семантических особенностей, а также полифункциональности в речи данная языковая единица получает в лингвистической литературе разнообразные терминологические определения. Цель данной работы – поиск единого терминологического подхода в отношении функционально-грамматического статуса структуры *il y a* с учетом ее значимой позиции в системе французского языка, обусловленной ее высокой продуктивностью и частотностью в речевом употреблении.

Категория бытийности (экзистенциальности) входит в число универсальных категорий, составляющих основу любого языкового сознания, и может выражаться как схожими языковыми средствами в различных лингвокультурах, так и специфическими структурами, создаваемыми и оформляемыми исключительно по законам конкретного языка, с учетом особенностей формировавшегося веками языкового менталитета говорящего на нем народа.

Во французском языке в число базовых средств репрезентации бытийности помимо полнозначных бытийных глаголов *être* ‘быть’ и *exister* ‘существовать’ входят их безличные формы *il existe* ‘существует’, *il est* ‘есть’, а также не имеющая личной формы безличная бытийная структура *il y a* ‘есть, имеется’ [1, с. 82–83; 2, р. 59–63]. Наличие сразу трех ядерных безличных средств выражения бытийности типологически отличает французский язык от других романских языков. Отмечая их особое положение во французском синтаксисе, Р. Л. Вагнер называет их «символами» («*symboles*») французского языка. При этом *il y a*, в силу уникальных функциональных возможностей и высокой продуктивности, он именует «фундаментальным символом» («*symbole fondamental*») [3]. Признание значимости *il y a* как особой языковой единицы нашло отражение в разнообразии терминологических определений: в лингвистических работах об *il y a* говорят как о презентативе, галлицизме, конструкции, обороте, в том числе устойчивом, безличной форме глагола *avoir* и бытийной формуле.

Как средства выражения категории бытийности безличные предикаты *il est*, *il existe*, *il y a* предназначены для первичного утверждения или введения в речь информации о бытии предмета (в широком значении) в некотором пространстве. При этом в отличие от *il est* и *il existe*, используемых только для передачи информации о вневременном существовании предмета в «мире вообще» или его продолжительном наличии в конкретном месте, высказывания с *il y a* способны также сообщать о его текущем наличии в перцептивном пространстве говорящего в конкретный момент времени. Ср.:

(1) *Il y a (= il existe, il est) des génies que l'on admire et que cependant on n'aime pas...* (G. Flaubert. Correspondance)¹ 'Есть (существуют) гении, которыми восхищаются, хотя и не любят их...' (здесь и далее перевод наш. – Н. Б.).

(2) *Voilà une île. Sur cette île, il y a (= il existe) des arbres* (J. Verne. Vingt mille lieues sous les mers) 'Вот остров. На этом острове есть деревья'.

(3) – *Monsieur, vous les avez vus? Il y a certainement quelque chose de louche. Il faut les signaler. – Eh bien, signalez-les, madame. Tenez, il y a justement un agent de police là-bas* (B. Groult, Journal à quatre mains) 'Месье, вы их видели? Здесь явно что-то подозрительное. Нужно о них заявить. – Хорошо, заявите о них, мадам. Смотрите, вот там как раз есть полицейский'.

Способность структуры *il y a*, с одной стороны, представлять стабильные бытийные ситуации вне непосредственной связи с моментом речи, с другой – фиксировать «наглядное», ситуативно обусловленное, бытие предмета нашла отражение в зарубежной лингвистической литературе, где противопоставляются две ее функции: *экзистенциальная* (*il y a existentiel*) и *презентативная* (*il y a présentatif*) [4, p. 81; 5, p. 454–455]. Первая указывает на функциональную близость *il y a* и бытийного предиката *il existe*, а вторая включает ее в разряд презентативов.

Термин *презентатив* (фр. *présentatif*) появился в романистике во второй половине XX в. и служит для обозначения особого функционального класса слов и конструкций, используемых для представления объекта или лица в рамках конкретной коммуникативной ситуации с целью привлечения к нему внимания адресата [6, с. 26; 7, p. 378]. Возможность выступать в роли презентатива обусловлена особенностями семантики и морфосинтаксической организации *il y a*: десемантизированным характером посессивного глагола *avoir* и наличием адвербиального компонента-клитики *y* ('тут, там'), который в случаях представления текущего положения дел может рассматриваться как своего рода элемент дейксиса [6, с. 33], что и позволяет формировать ситуативно ограниченные высказывания.

Особое происхождение структуры *il y a* подчеркивается использованием термина *галлицизм* (фр. *gallicisme*), относящим ее к числу непереводаемых буквально на другие языки исконных французских выражений, создаваемых по особой, характерной только для данного языка, модели [7, p. 213; 8, с. 95; 9, p. 164].

Широко используемые в научных трудах и учебниках по грамматике термины *конструкция* (фр. *construction*) и *оборот* (фр. *tour / tournure*) не отражают какую-либо узко специфическую природу *il y a*, подчеркивая в первую очередь синтаксическое единство ее компонентов. Ср.: «Конструкция – синтаксическое целое, составленное из объединенных в речи языковых единиц» [8, с. 205]. «Оборот – то же, что конструкция» [8, с. 274].

В ряде работ в отношении *il y a* применяется термин *безличный глагол* (фр. *verbe impersonnel, verbe unipersonnel*), т.е. фактически данная языковая

¹ Здесь и далее источник примеров: Base de données textuelle Frantext [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.frantext.fr/>. – Date of access : 15.01.2018.

единица рассматривается как безличная форма особого глагола *у avoir*, реализующего значение, отличное от *avoir* [10, p. 511; 11, p. 227]. То, что *у avoir* небезосновательно может рассматриваться как полноценный безличный глагол с собственной бытийной семантикой, подтверждается его способностью допускать эллипсис начального элемента *il* в разговорной речи, сохраняя при этом семантическую целостность. Во французском языке только два собственно безличных глагола (*falloir* ‘долженствовать’ и *у avoir*) могут употребляться без формального подлежащего [3, p. 10; 10, p. 515]. Ср.:

(4) – *Ouais. Y a tout sur toi sur le Net* (F. Vargas. *Un lieu incertain*) ‘– Да. В сети (интернете) **есть** все о тебе’.

Однако несмотря на то, что по формальным морфосинтаксическим характеристикам *il у a* «сродняется» («s'apparente») с безличными формами других глаголов французского языка, по своему функциональному потенциалу он значительно их превосходит и заслуживает того, чтобы рассматриваться отдельно [3, p. 10].

Отметим некоторые функциональные возможности *il у a*. Так, в отличие от традиционных безличных форм, *il у a* не только допускает препозицию именного компонента, но и позволяет его использование в форме множественного числа, сохраняя при этом целостность своей структуры: формальное подлежащее (безличное местоимение *il*) не вытесняется именем существительным, а глагол *avoir* никогда не изменяется в числе. Ср. следующий пример, где именной компонент *blessures* ‘раны’ в форме множественного числа позиционно предшествует *il у a*:

(5) *Que leurs blessures, si blessures il у a, ne doivent pas être bien graves* (Cl. Mauriac. *Le Pont du Secret*) ‘Пусть их раны, **если раны есть**, не будут серьезными’.

Любые иные собственно безличные глаголы при сочетании с именем существительным или личным местоимением в начальной позиции метафоризируются и полностью уподобляются личным глаголам: теряют местоимение *il* и согласуются с синтаксическим подлежащим. Ср.:

(6) *Des étoiles molles, parfumées, pleuvent sur nos cheveux* (P. Mourier-Casile. *La Fente d'eau*) ‘Мягкие, душистые звезды **дождем опускаются** на наши волосы’.

Потеря глаголом *avoir* своего исходного посессивного значения и формализация синтаксической структуры *il у a* способствовали тому, что помимо роли бытийного предиката *il у a* может использоваться в составе ограничительного (*il n'y a que... qui* букв. ‘есть только... который’) и выделительного (*il у a que...* букв. ‘есть то, что...; дело в том что...’) оборотов, применяемых для рематизации любой информации, в том числе представляемой при помощи других безличных конструкций, включая информацию, вводимую самой структурой *il у a*. Ср.:

(7) *Il у a qu'il s'agit d'un individu du Clan: il а sur l'avant-bras droit un signal distinctif* (G. Percec. *La Disparition*) ‘**Дело в том, что речь идет** о человеке из Клана: на предплечье у него отличительный знак’.

(8) – *Enfin, voilà! Il y a qu'il y a du nouveau. Il faut que je vous le dise: j'ai quitté ma place!* (Ch.-L. Philippe. *Le Père Perdrix*) ‘– И вот, наконец! Дело в том, что есть кое-что новое. Мне нужно вам это сказать: я ушел со своего места!’

Подобное функционирование свидетельствует, по мнению, М. Мельман, о квазиграмматикализации *il y a*, что подтверждается, в первую очередь, ослаблением экзистенциального значения в данной позиции и, как следствие, потерей семантической автономности, нередко приводящей к неизменяемости глагола *avoir* по временам и наклонениям. Выделительные структуры с *il y a* выступают, прежде всего, в качестве средства, позволяющего избегать употребления неопределенного подлежащего в позиции темы, а также выносить в позицию ремы все содержание предложения [2, р. 219–247]. Ср., например, следующее высказывание, где *il n'y a que* сохраняет форму настоящего времени, хотя основное повествование ведется в плане прошедшего:

(9) *Maman me dit qu'elle faisait des listes pour les prénoms. Papa était d'accord avec tous les prénoms de garçon. Il n'en proposait aucun. Il n'y a que si j'avais été une fille qu'il avait un souhait. Il aurait voulu que je m'appelle Maya* (M. Simonet. *Les carnets blancs*) ‘Мама сказала, что вела списки имен. Папа был согласен на любое имя мальчика. Своих имен он не предлагал. Только если бы я родился девочкой, у него было одно пожелание. Он хотел бы, чтобы меня назвали Майей’.

Кроме того, *il y a* может полностью грамматикализироваться и использоваться в качестве темпорального предлога со значением завершенности, например, *il y a dix jours* ‘десять дней тому назад’. С этих позиций целесообразным представляется разграничение *il y a* в функции бытийного предиката и в качестве грамматикализованной языковой единицы.

Однако существует и противоположная точка зрения. Например, Р. Мартен считает, что при всем своем функциональном многообразии *il y a* всегда сохраняет единую семантику экзистенциальности, в том числе будучи предлогом, так как «утверждает реальное существование временного интервала» («*il y a marque la réalité d'un intervalle temporel*»). А функциональное назначение выделительного оборота состоит, по мнению лингвиста, в «утверждении реального существования пропозиционального содержания» («*pose la réalité d'un contenu propositionnel*») [12, р. 82–83].

Семантико-синтаксическое единство *il y a* подчеркивается употреблением термина *устойчивый оборот* (фр. *locution*) как устоявшейся «идиоматической конструкции» («*construction idiomatique*») [4, р. 80], «застывшего выражения» («*un bloc figé*») [13]. Е. Е. Корди характеризует *il y a* как «лексикализованную» единицу, «несвободную синтаксически» и не имеющую «в системе языка соответствующей личной конструкции, в которой тот же самый глагол употреблялся бы как личный» [14, с. 121]. Как устойчивое лексико-грамматическое образование *il y a* функционирует как «единое целое» и в существующем виде не разлагается на составляющие его компоненты. Таким образом, термин «устойчивый оборот» акцентирует в первую очередь структурно-семантическую специфику *il y a* – стабильность формы и значения, однако не отражает ее высокую речевую продуктивность.

В зарубежной (например, Дж. Р. Тейлор и Р. Е. МакЛаури, Л. Е. Бревик) и русскоязычной (Е. А. Реферовская) научной литературе встречается также термин *формула*: «бытийная грамматическая формула *il y a*» [1, с. 81–82]; ‘экзистенциальная формула *il y a*’ («existential formula *il y a*») [15, р. 75]; ‘устойчивая формула *il y a*’ («fixed formula *il y a*») [16, р. 267]. Однако, используя данное понятие, ученые не дают ему терминологического пояснения.

Как речевая единица формула (от лат. *formula* ‘рамка, правило’) понимается как «устойчивое выражение, модель построения, фраза-клише и т.п.» [8, с. 502]. Иными словами, в формуле заложена некоторая стандартность, неизменность, стереотипность, предписываемая соответствующими условиями общения. Как следствие, в языковой практике распространены такие понятия, как формулы вежливости и этикета, формулы обрядов, уставные, дипломатические, протокольные, деловые и т.п. формулы.

Что же касается формулы как более узкого (специализированного) лингвистического термина, ее единое и унифицированное определение до сих пор отсутствует. Одним из первых понятие *формула* для характеристики грамматического строя языка ввел в обиход О. Есперсен, противопоставив его «свободным выражениям». Согласно ученому, формулы представляют собой такие (устоявшиеся) языковые единицы, которые хранятся в памяти носителей языка в готовом виде и воспроизводятся автоматически, а не создаются заново в процессе речи. Большинство формул являются результатами многовековых языковых эволюций, в результате которых некогда «живые», часто автономные, языковые элементы, соединяясь между собой, претерпевали процесс утраты исходного (морфологического, грамматического, лексического) значения, что могло приводить либо к формализации их исходной формы, либо к появлению новой функциональной единицы. В ходе естественного развития языка в разряд «формул» переходили как законченные предложения, так и словосочетания или отдельные слова (как правило, в этом случае речь идет о речевых формулах). Формулами также становились готовые формы множественного числа, морфологические элементы сложных слов, компоненты аналитических конструкций и т.п. По мнению исследователя, при определении формулы важен не ее линейный количественный состав, а «чтобы живым чувством языка она воспринималась как нечто единое, не членимое и не разложимое так, как членятся и разлагаются свободные сочетания» [17, с. 16–23].

В современных лингвистических работах термин *формула* применяется к самому широкому кругу разноуровневых языковых единиц. С одной стороны, формулами называют готовые воспроизводимые единицы с постоянным содержанием и устойчивым / фиксированным компонентным составом (раздельнооформленные или нет). Сюда включают регулярно воспроизводимые в соответствующих коммуникативных ситуациях устоявшиеся речевые формулы, литературные формулы, формульные предикативные единицы и т.п. С другой стороны, под формулами также понимается и некоторый образец с четко организованной структурой, сохраняющий при любом варьировании лексического наполнения единство грамматического

значения, однородность семантического и – при необходимости – прагматического содержания. К такому типу формул можно отнести, например, словообразовательные формулы, формулы сложных аналитических глагольных форм, формулы вопроса, отрицания и т.п.

При всем разнообразии языковых единиц, называемых формулами, можно выделить одну общую и важную характеристику, которая имеет существенное значение при определении данного понятия в настоящем исследовании. В первую очередь, формулы должны регулярно и стабильно «работать». Как единицы языка, создаваемые по его внутренним законам, формулы отражают не только его типологическую специфику, но и особенности «языковых потребностей» его носителей. Многовековая «выживаемость» формул, их приоритет в сравнении с другими языковыми единицами обеспечиваются, прежде всего, самими людьми, которые регулярно прибегают к их употреблению, так как они наиболее полно и точно формулируют и выражают их мысль.

В случае бытийной формулы *il y a* ее цельный и устойчивый (в семантическом и структурно-синтаксическом отношении) характер способствует ее «языковой востребованности» и высокой продуктивности. Функционируя в качестве синтаксической «опоры», формула *il y a* позволяет присоединять именную компонент любой лексико-семантической группы как в пост- (*il y a + N*), так и в препозиции (*N + il y a*), что обеспечивает частоту ее использования и регулярную воспроизводимость в речевом употреблении.

Таким образом, термин *бытийная формула* позволяет, на наш взгляд, наиболее точно отразить особый функциональный и грамматический статус *il y a* в системе французского языка. При этом он учитывает суть всех иных терминологических определений. В нем совмещаются структурно-синтаксическая целостность *il y a* как конструкции, единство ее семантического содержания и лексикализованный характер как устойчивого оборота, а также ее исконно французское происхождение как результат своеобразного выражения идеи существования носителями французского языка и культуры (*il y a* – галлицизм). Помимо этого, употребление термина *формула* позволяет акцентировать продуктивность и высокую частоту *il y a* в речевом употреблении, чему способствуют огромные возможности в ее наполнении, а также возможность выражать различные бытийные значения, что в определенной степени отразилось в терминологическом разделении зарубежными лингвистами презентативной и экзистенциальной функций *il y a*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реферовская, Е. А. Бытийность во французском языке / Е. А. Реферовская // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – С. 80–98.
2. Meulleman, M. Cl. Les localisateurs dans les constructions existentielles: Approche comparée en espagnol, en français et en italien / M. Cl. Meulleman. – Berlin; Boston : Walter de Gruyter, 2012. – 268 p.

3. *Wagner, R. L.* Il y a / R. L. Wagner // *Le français dans le monde.* – Paris : Librairies Hachette et Larousse, 1964. – № 29. – P. 10–15.
4. *Picabia, L.* Il y a démonstration et démonstration: réflexion sur la détermination de l'article zéro / L. Picabia // *Langue française.* – Paris : Larousse, 1986. – № 72. – P. 80–101.
5. *Riegel, M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 1994. – 646 p.
6. *Вилкова, Л. В.* Презентативная функция и презентативы *c'est, il y a, voilà / voici* во французском языке / Л. В. Вилкова // Семантико-синтаксическая организация словосочетания и предложения в современном французском языке. – Горький: Гос. пед. ин-т им. Горького, 1982. – С. 26–35.
7. *Grand dictionnaire Linguistique & Sciences du langage.* – Paris : Larousse, 2007. – 514 p.
8. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
9. *Grevisse, M.* Le Bon Usage / M. Grevisse, A. Goosse. – 16e éd. – Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.
10. *Damourette, J.* Des mots à la pensée: essai de grammaire de la langue française / J. Damourette, E. Pichon. – Paris : Éd. d'Arthey, 1969. – Т. 4. – 631 p.
11. *Grevisse, M.* Nouvelle grammaire française / M. Grevisse, A. Goosse. – Paris : Duculot, 1980. – 352 p.
12. *Martin, R.* Sur le statut sémantique de *il y a* / R. Martin // *Linx.* – Paris : Départ. de Sciences du langage, Univ. Paris Ouest, 2002. – № 47. – P. 79–87.
13. *Méry, R.* A propos des constructions existentielles en français et en anglais / R. Méry // *Travaux – Cercle linguistique d'Aix-en-Provence* [Electronic resource]. – Aix-en-Provence: Univ. de Provence, Service des publications, 2006. – Vol. 19. – P. 131–164. – Mode of access: https://www.academia.edu/29218280/Constructions_existentielles_en_fran%C3%A7ais_et_en_anglais_-_Renaud_M%C3%A9ry. – Date of access: 20.02.2017.
14. *Корди, Е. Е.* Безличные конструкции в современном французском языке: синтактико-деривационный и типологический подход / Е. Е. Корди // *Вопросы языкознания.* – М. : Наука, 1994. – № 3. – С. 115–128.
15. *Taylor, J. R.* Language and the Cognitive Construal of the World / J. R. Taylor, R. E. MacLaury. – Berlin: Walter de Gruyter, 1995. – 406 p.
16. *Breivik, L. E.* Existential there: a synchronic and diachronic study / L. E. Breivik. – Oslo: Novus, 1990. – 321 p.
17. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ильиша. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 364 с.

The article is devoted to the analysis of the most frequently used means of expressing existence in French – the impersonal structure *il y a*. The aim of the article is to define a single terminological approach to the functional-grammatical status of *il y a* taking into account its significant position in the French language system.

Поступила в редакцию 05.12.18